

В. М. ДИМИТРИЕВ*

**К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»
(О ТОМ, ПОЧЕМУ БЫЛ ОТБРОШЕН «ЭПИЗОД С АРИШЕЙ»)¹**

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», Ариша, текстология, черновые рукописи, мотивировка.

В статье рассматривается, почему Достоевский изымает из окончательного текста романа «Подросток» обширный черновой фрагмент о встрече Аркадия с озябшей девочкой Аришей, помещенный перед сном-воспоминанием героя о пансионе Тушара (вторая часть, девятая глава). Критически прокомментированы существующие на данный момент гипотезы, почему произошло это текстуальное изменение. Исключение эпизода с Аришей объясняется спецификой раскрытия «детской» темы в окончательном тексте, расширением авторских полномочий Аркадия, а также важной для этого фрагмента сменой мотивировки.

В девятой главе второй части романа «Подросток» помещено переломное для сюжета событие: несостоявшееся преступление Аркадия Долгорукого, от которого его в буквальном смысле спасает случайность. Аркадий хочет поджечь дровяной склад в переулке вблизи Конногвардейского бульвара, он «вдруг совсем решился», «ощутил чрезвычайное удовольствие, наслаждение и полез», «но тут вдруг оборвался и навзничь полетел вниз», «стукнулся о землю затылком», потерял сознание, а потом, еще плохо соображая, «пополз в угол ворот» и «очень быстро задремал» (13, 269–270). За этим следует ключевой для развития сюжета сон-воспоминание о пансионе Тушара. Очнувшись, Аркадий видит склонившегося над собой одного из героев своего сна, Ламберта. Однако находится Аркадий в состоянии горячки. Вернувшись в дом к матери после своего полубессознательного пребывания у Ламберта, Аркадий впадает в девятидневное беспамятство, подготовляющее его изменение.

---

* Виктор Михайлович Димитриев, канд. филол. наук, мл. научн. сотр. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, старший преподаватель кафедры сравнительно-литературоведения и лингвистики НИУ ВШЭ — ganthenbein@gmail.com.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18–012–90002 «Проблемы текстологии и поэтики романного творчества Ф. М. Достоевского: текст как источник и объект интерпретации».

Однако в черновом варианте в первой главке девятой главы помещается довольно обширная вставная история об озябшей девочке Арише, которую Аркадий случайно находит в переулке. Именно это отвлекает его от желания поджечь склад².

«Да, преступление навертывалось в ту ночь и только случайно не совершилось» (13, 268) — оценивает эти события Аркадий. Эту же запись мы встречаем и в черновой рукописи. Однако в черновой рукописи и в окончательном тексте эта «случайность», помешавшая преступлению, по-разному определена, следовательно, перед нами две различные мотивировки отказа героя от совершения преступления.

Кратко восстановим последовательность эпизодов. Восьмая глава заканчивается тем, что на рулетке Зерщикова Аркадия несправедливо обвиняют в краже денег, и единственный, кто мог бы за него заступиться, князь Сережа, от него отрекается, после чего героя с позором выталкивают на улицу. В начале девятой главы в состоянии начинающегося бреда Аркадий пытается решить, что ему следует делать, когда ясно, что «жить теперь уже совсем нельзя» (13, 267): «уехать в Америку», укрыться в «кидею», «положить голову на рельсы и умереть», или «стать лакеем, собакой, козьявкой, доносчиком, настоящим уже доносчиком, а самому потихоньку приготовляться и когда-нибудь — все вдруг взорвать на воздух, все уничтожить, всех, и виноватых и невиноватых, и тут вдруг все узнают, что это — тот самый, которого называли вором... а там уж и убить себя» (13, 268–269).

Аркадий решает стать преступником и уже теперь начать с пробы. В переулке вблизи Конногвардейского бульвара он видит склад, который решает поджечь. Аркадий забирается на него, но случайно падает, ушибается, теряет сознание; очнувшись ненадолго, отползает «в угол ворот» и там задремывает. Он слышит колокольный звон, и это начало его сна-воспоминания.

В черновом варианте Аркадий не пытается вскарабкаться на ворота, потому что в углу замечает «какую-то темную массу», «меньше человека, больше собаки» (л. 47), это оказывается девочка Ариша. Далее следует рассказ о том, как Аркадий привел Аришу домой, как он пытался защитить ее от каких-то пьяных людей, неясно кем ей

² НИОР РГБ. Ф. 93.1.1.6/11. Л. 47–49. Далее ссылки на рукопись даются в тексте с указанием листа. Напомню, что сам эпизод был опубликован впервые Л. П. Гроссманом: *Достоевский Ф. М. Неизданные рукописи* / Под ред. Л. П. Гроссмана // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса, 1921. С. 20–24. С небольшими разночтениями он был напечатан также В. Л. Комаровичем: *Рукописные варианты романа «Подросток»* / Под ред. В. Л. Комаровича // Начала. 1922. № 2. С. 221–225. В дальнейшем отрывок был включен в варианты в академическом Полном собрании сочинений (17, 98–100). Рукописный текст мы приводим в современной орфографии, пунктуация остается без изменений, за исключением запятой перед союзом *что* и союзом *как*, а также знаков препинания при одинарном деепричастии или деепричастном обороте. Конъектура приводится в угловых скобках (<>), вычеркнутый текст в квадратных скобках ([ ]), вставленный текст в фигурных скобках ({}).

приходившихся (сама девочка — сирота). Внезапно он решает оставить Аришу, но бежит от нее не куда-нибудь, а в тот самый угол, где ее обнаружил. В этом углу он решает замерзнуть, как могла бы замерзнуть Ариша. Он задремывает, слышит колокольный звон и видит сон-воспоминание о пансионе Тушара.

Черновая рукопись

• Глава 8: Рулетка Зерщикова (Аркадий — «вор»)

• Блуждания в полубреду («положить {голову} и умереть» или «все {вдр<уг>} взорвать {на воз- дух} <...> а там уж и убить себя...» (л. 46))

• Желание «пробы» (поджечь дровяной склад на Конногвардейской бульваре)

• Замечает «какую-то темную массу» в углу, «меньше человека, больше собаки» (л. 47)

• История с Аришей (бегство Аркадия)

• Возвращение на Конногвардейский бульвар («...и я буду сидеть и засну и замерзну» (л. 49))

• Сон-воспоминание о пансионе Тушара

Окончательный текст

• Глава 8: Рулетка Зерщикова (Аркадий — «вор»)

• Блуждания в полубреду («положить голову на рельсы» или «все вдруг взорвать на воз- дух <...> а там уж и убить себя» (13, 268–269))

• Желание «пробы» (поджечь дровяной склад на Конногвардейской бульваре)

• Пытается взобраться на стену — непреднамеренное падение

• Потеря сознания («минуту или две пролежал без сознания» (13, 269))

• Бессознательно «отползает» в угол

• Сон-воспоминание о пансионе Тушара

Ключевые отличия двух эпизодов в том, что в черновом варианте Аркадий забывает о своем желании поджечь склад, потрясенный встречей с Аришей, сострадание к которой усиливается, когда Аркадий узнает, что она сирота (видимо, в этом проявляется экстраполяция его собственной судьбы на ее судьбу). И когда он вспоминает то, что он обозначает, как «мое», он решает оставить девочку, замерзнуть и умереть. Хотя и в состоянии бреда, он выбирает самоубийство, а не преступление. В окончательном тексте его отделяет от преступления один шаг, но спасает его не неожиданная встреча, а, казалось бы, чистая случайность.

Черновая рукопись

Так я рассуждал и — {вдруг} решил. Я ощущал чрезвычайное удовольствие: «Зажечь, зажечь непременно пусть горит!» И весьма может быть, что я бы это и исполнил, но внезапно был отвлечен совсем неожиданной

Окончательный текст

Так я это все рассудил и — вдруг совсем решил. Я ощутил чрезвычайное удовольствие, наслаждение и полез. Я лазить умел отлично: гимнастика была моею специальностью еще в гимназии, но я был в калошах, и дело оказалось

встречей. Присматриваясь, как мне [в]лезть по воротам, я вдруг в правом углу ворот, в глубине выступа заметил какую-то темную массу: что-то лежало или сидело скорчившись, «меньше человека, больше собаки» — мелькнуло во мне. <История с Аришей> Дойдя до тех {глухих ворот [в стене], я запахнулся в шубу и присел [в т] на снег в тот самый угол, в котором сидела девочка: — Что ж, думал я, тут и засну, как Ариша. <...> Что же и я буду сидеть и засну и замерзну [И чего мне, тем лучше.] Все умерло, так и я умру. — И действительно {я} очень скоро задремал, мысли во мне смешались совсем, и я только слышал все возраставший колокольный звон (л. 47–49).

труднее. Однако ж я успел-таки уцепиться рукой за один едва ощущаемый выступ вверху и приподнялся, другую руку замахнул было, чтоб ухватиться уже за верх стены, но тут вдруг оборвался и навзничь полетел вниз. Полагаю, что я стукнулся о землю затылком и, должно быть, минуту или две пролежал без сознания. Очнувшись, я машинально запахнул на себе шубу, вдруг ощутив нестерпимый холод, и, еще плохо сознавая, что делаю, пополз в угол ворот и там присел, съжившись и скорчившись, в углублении между воротами и выступом стены. Мысли мои мешались, и, вероятно, я очень быстро задремал. Как сквозь сон теперь вспоминаю, что вдруг раздался в ушах моих густой, тяжелый колокольный звон, и я с наслаждением стал к нему прислушиваться (13, 269–270).

Почему Достоевскому было важно поменять мотивировку?

Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим существующие в научной литературе гипотезы, объясняющие, почему Достоевский отбросил эпизод с Аришей.

В статье «Генезис романа “Подросток”» (1925) В. Л. Комарович склоняется к тому, что эпизод с Аришей был скорее не отброшен Достоевским, а сокращен и перенесен в другую часть романа. Эпизод был замещен «анекдотом» о подкинутом ребенку Ариночке из 5 главы 1 части (13, 79–81). Однако, заметим в скобках, на момент работы над второй частью первая часть уже была напечатана³, поэтому эпизод во второй части не мог быть отброшен, чтобы быть замещенным эпизодом в первой. Комарович показывает, что колебания Аркадия, которые выражает этот эпизод, наследовали замыслу «Жития великого грешника», в котором также есть эпизод с замерзшей девочкой, которую спасает герой⁴. Здесь же он сокращается автором, поскольку Достоевский желает

³ Пятая глава первой части была опубликована в № 1 «Отечественных записок» за 1875 г., девятая глава второй части — в № 5 «Отечественных записок» за 1875 г.

⁴ Имеется в виду один из эпизодов с Хроменькой из замысла «Жития великого грешника». Л. П. Гроссман считает, что рассказ о встрече Аркадия и Ариши «является новой попыткой разработки» замысла романа «Пьяньские» (*Достоевский Ф. М. Незданные рукописи* / Под ред. Л. П. Гроссмана. С. 6). Г. Я. Галаган проводит параллель между историей с Аришей и фрагментом из «Сна смешного человека», где «герой сталкивается

вывести на первый план Версилова. Этим же продиктованы и другие сокращения в романе, о которых пишет Комарович: «...“история колебаний” “подростка” по возможности сокращается (исчезает начальный период жизнеописания, урезывается эпизод о девочке и т.д.) для того, чтобы уступить место другой истории — “вечной истории” Версилова и Ахмаковой, их “любви-ненависти”»; ранний по замыслу герой (“подросток”, “великий грешник”) отодвигается на задний план новым, исподволь выроставшим героем (Версильовым), заняв по отношению героини (Ахмаковой) место, первоначально предназначенное раннему герою (“великому грешнику”, “подростку”), — Версильов образует теперь основное ядро законченного романа»⁵. Таким образом, главной причиной Комарович считает рудиментарность истории с Аришей, пришедшей из «Жития», по отношению к новой центральной идее романа.

Г.И. Чулков в книге «Как работал Достоевский» (1939) объясняет отсутствие эпизода, в котором повторяется «излюбленный Достоевским мотив “оскорбленного ребенка”» прагматикой композиции: Чулков полагает, что писатель «счел нужным исключить этот эпизод, не желая тормозить событий»⁶. Можно возразить вместе с тем, что торможение в данном эпизоде, вероятно, и замышлялось Достоевским: перед роковым поджиганием склада появляется вставной эпизод, оттягивающий развязку, что в целом является характерным приемом в романе «Подросток»⁷.

А.С. Долинин, готовя в 1965 г. первое полное издание рукописей к «Подростку», комментирует не сам эпизод, а фрагменты в подготовительных материалах⁸, связанные с мотивом озябшей девочки. Судя по рукописям, эта озябшая и найденная Аркадием девочка должна стать своеобразным «убежищем» героя. А ее смерть объяснила бы его решение вступить в заговор против Ахмаковой. Долинин указывает, что история с Аришей должна была быть, видимо, продолжена в итоговом тексте, однако была исключена, он не пытается ответить на вопрос, почему. Долинин также сближает этот эпизод с историей про Ариночку из пятой главы первой части, кроме того, он проводит параллель

на улице с девочкой лет восьми, дрожащей “мелкой дрожью в ознобе” (Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского 1821–1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881. С. 20).

⁵ Комарович В.Л. Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль. 1925. Вып. 3. С. 385.

⁶ Чулков Г.И. Как работал Достоевский. М., 1939. С. 156.

⁷ К примеру, еще в самом начале своих записок Аркадий оттягивает рассказ о двенадцатом сентября, которое считал роковым для себя днем. Прежде чем приступить непосредственно к описанию столь волнующего события, встречи с Ахмаковой, Аркадий с тщательностью повествует о предыстории «героев» своих записок.

⁸ Долинин комментирует следующий фрагмент: «Девочка озябла. Умирает, говорит: “Ничего!” (Кольцо Бисмарка)» (16, 334). См. также: Тихомиров Б.Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура: Альманах. №24. СПб., 2008. С. 120–121.

с «Отверженными» Гюго: «Подросток помогает девочке, по имени Ариша, точно так же, как Вальжан Козетте»⁹.

Наконец, в комментариях к академическому изданию Е. И. Кийко объясняет отсутствие эпизода следующими причинами:

1) «Поведение Подростка в сложившейся здесь ситуации противоречило логике его характера» (17, 325). По мнению комментатора, Аркадий не мог так просто бросить девочку непосредственно после охватившей его идеи «благообразия»¹⁰;

Потому, считает комментатор, 2) «переход Подростка от желания помочь ребенку к эгоцентрической сосредоточенности на собственной обиде в отброшенном эпизоде психологически не оправдан» (17, 325);

3) третья причина в том, что эпизод с Аришей был сопровождается подробными бытовыми описаниями, что превращало его в отдельный физиологический очерк и выводило за рамки основного сюжета (17, 326);

4) этот эпизод «в какой-то степени дублировал рассказанную уже Подростком историю о том, как он, живя в Москве, содержал на собственные деньги подброшенную девочку, которую, кстати, тоже звали Ариной» (17, 326).

Названные причины представляются во многом неадекватными роману и по меньшей мере недостаточными.

Во-первых, поведение Аркадия в описываемое время подвластно постоянным и резким переходам из одной крайности в другую. «Мало того, я очень хорошо помню, что я мог в иные минуты вполне сознавать нелепость иного решения и в то же время с полным сознанием тут же приступить к его исполнению» (13, 268).

Во-вторых, психологическая неоправданность перехода Аркадия к эгоцентрической сосредоточенности на себе объясняется тем, что в отброшенном эпизоде собственно нет перехода к себе. Любопытно здесь посмотреть, в каком контексте появляется местоимение «мое» в черновой рукописи. Аркадий восклицает в начале главки: «Все это — город, прохожие, тротуар по которому я бежал все это было как бы не мое. Вот это дворцовая площадь, [к]{в}от {это} — Исаакий {— мерещилось мне}, но теперь мне до них никакого дела, все как-то отчуждилось, {все это} стало вдруг *не мое*. У меня мама, Лиза — ну что же, что мне теперь Лиза и мать? все кончено, все разом кончилось, кроме одного: того что я — вор навечно» (л. 45). Далее, когда уже в доме Ариши Аркадий пытается защитить ее, на него начинает угрожающе надвигаться некто из пьяной оравы. «Я вдруг вспомнил все *мое* и вдруг на себя удивился: Да что же это я, что мне тут! мелькнуло у меня в голове. Затем

⁹ Долинин А. С. Комментарии // Литературное наследство. М., 1965. Т. 77: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. С. 502.

¹⁰ Отметим здесь, что идея «благообразия» приходит к Аркадию только после встречи с Макаром Долгоруким, которая состоялась в третьей части романа, что противоречит аргументации комментатора.

повернулся и поскорее выбежал» (л. 49). «Мое»¹¹, и в обоих случаях слово подчеркнуто автором, имеет отношение не только к личным интересам Аркадия, но и, согласно тексту, к его матери и сестре, и возможно именно эта сложносоставность «моего» толкает его повторить несложившуюся судьбу Ариши, а именно замерзнуть в том самом углу, где ее нашел.

Как же можно объяснить решение Достоевского исключить эпизод?

Во-первых, следует обратить внимание на то, как складывалась судьба других фрагментов, связанных с героями-детьми. В подготовительных материалах к «Подростку» есть известная запись «РОМАН О ДЕТЯХ, ЕДИНСТВЕННО О ДЕТЯХ, И О ГЕРОЕ-РЕБЕНКЕ» (16, 5). Несмотря на то что в конечном счете в романе переплелись несколько заветных идей Достоевского и объединились несколько сюжетов, дети на страницах рукописи продолжали занимать центральное место, притом все они являются действующими лицами основного сюжета. Важное место в подготовительных материалах занимает история сводного брата Подростка, маленького мальчика: за него должен был вступить-ся Аркадий после того, как Версилов, замучив мальчика, бросает его на улице (16, 182). В рукописях получает развитие история ухода героя за маленьким мальчиком (см., например: 16, 96, 97, 100, 110, 123, 127–129 и др.). С историей сводного брата связана и история «мальчика с птичкой». Есть основания полагать, что Достоевский планировал ввести самоубийство «мальчика с птичкой» в основной сюжет романа (16, 30, 64). История «мальчика с птичкой» была связана с историей сводного брата Аркадия¹². В ряду этих же сюжетов появляются замы-

---

¹¹ Б. Н. Тихомиров обращает внимание на то, что сюжетно этот эпизод является вариацией «мотива *обиженной девочки*», которую можно встретить также в романах «Униженные и оскорбленные» и «Преступление и наказание». В том числе конкретно эти три эпизода сближены тем, что происходят они в районе Конногвардейского бульвара, что особым образом выделяет этот локус в Петербурге романов Достоевского. То, что Аркадий вспоминает «мое» и покидает Аришу, создает дополнительную перекличку с поведением Раскольникова, как считает Тихомиров. Раскольников также сперва спасает пьяную девушку, преследуемую каким-то «франтом», а потом, внезапно переменявшись, предлагает городовому оставить ее «франту», «пусть его позабавится» (6, 42). См. об этом: Тихомиров Б. Н. Загадочный квартал в Петербурге Достоевского. К анализу мотива «обиженной девочки» [2001] // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012. С. 306–308.

¹² «У Подростка особая квартира. Швейцар в казенном здании. Елейная душа. (Это швейцар отвел похищенного мальчика к НЕМУ.) Мальчик был у больной девочки швейцаровой. Мальчик потом просился к девочке, Подросток водил его. Смерть девочки, потребовавшей мальчика проститься. Подросток подробно и сурово-серьезно описывает, как он устроил это последнее свидание детей. Швейцар через это стал знакомым ЕМУ.

Швейцар — елейная личность, не очень разговорчивый. Подросток уважает и любит его и только с ним вполне откровенен. К швейцару ходит просящий по 20 коп. поручик. Этот поручик рассказывает о лодке в Англии, об камне и проч. У швейцара жена, гуляла. После смерти дочки он ее сжег на плите.

Мальчик, когда в последний раз бежал утопиться, забежал к швейцару, думая найти

слы об «озябшей» девочке, которую находит Подросток¹³. Истории «о детях» переходили одна в другую, дробились и объединялись, и невозможно с безусловной достоверностью восстановить развитие этих сюжетов в подготовительных материалах. Единственное, что связывало все эти истории: они должны были стать частью романного сюжета.

Чрезвычайно симптоматично, что все эти истории впоследствии были уведены Достоевским либо в предысторию романа и эпилог (ребенок Лидии Ахмаковой и выкидыш Лизы), либо в воспоминания Аркадия (история о ребенке-подкидыше Ариночке), либо в умильные истории Макара («мальчик с птичкой»). Собственно, каждая история о ребенке, которая должна была быть включена в окончательный роман, меняет свой статус в целом романе.

Вероятно, что и историю с Аришей Достоевский решает вывести за рамки сюжета, поскольку она нарушает исключительность Аркадия как главного и единственного героя-ребенка в тексте.

С «детской» темой связывается и тема творчества.

Истории, последовательно уводимые за рамки сюжета, Аркадий осмысляет уже как автор романа. Именно в его обработке, к примеру, мы узнаем об истории «мальчика с птичкой», он, старательно сохраняя особенности речи Макара Долгорукого, включает историю о утопившемся ребенке в свою исповедь. «Помещаю один из рассказов, без выбору, единственно потому, что он мне полнее запомнился. Это — одна история об одном купце, и я думаю, что таких историй, в наших городах и городишках, случается тысячами, лишь бы уметь смотреть. Желающие могут обойти рассказ, тем более что я рассказываю его слогом» (13, 313).

Как пишет Арпад Ковач, оригинальность «Подростка» и состоит в том, что Достоевский «на уровне рассказчика-мемуариста расширяет структуру условностей становлением “писателя”, т. е. анализом закономерностей возникновения способности перерабатывать опыт в формы поэтической мысли. Ни один из рассказчиков Достоевского так не озабочен вопросами художественного мастерства, как Аркадий Долгорукий. Показательно, что говорит он об этом, проделав, под влиянием

Подростка. В квартире швейцара ничего не нашел. Странствия. Мальчика собирал Подросток» (16, 94).

¹³ «Озябла. Девочка. <Ип, с. 63> Девочка (озябла). Необходима ему во всем романе как убежище от Верилова, Ламберта, недоверия Лизы, *безучастия* матери. Он к ней удаляется. Девочка умирает перед самым замыслом — решением на Ахмакову, забитая. Эта смерть приводит Подростка в отчаяние» (16, 331); «Хотел заечь, и “озябла”. В квартире прибили. Топиться. Ламберт» (16, 331); «7 апреля. ДЕВОЧКА. Лиза отвергла Подростка, как ему кажется. Все перед ним виноваты, кажется ему, и у него одна эта девочка» (13, 333); «15 апреля. Девочка озябла. Умирает, говорит: “Ничего!” (Кольцо Бисмарка.) Подростку говорит вместо ласки: “На” — и отдает какую-то свою драгоценность, игрушку или что-нибудь» (16, 334).

сюжетных событий, сложный путь прозрения — от идеализации власти денег к возникновению скрываемой им идеи стать художником»¹⁴.

Наконец, два варианта: в черновой рукописи и в окончательном тексте — задают две совершенно разные мотивировки того, почему преступление не состоялось. В черновой рукописи мотивировка обнажена. Встреча с Аришей отвлекает Подростка от «своего», и эта же встреча толкает его в состоянии экзальтации к желанию замерзнуть, как Ариша. В окончательном тексте мотивировки нет, есть чистая случайность: оступился и потерял сознание.

Вероятно, Достоевскому было важно лишить переход к сну-воспоминанию очевидной романной мотивировки. Ему важно было показать внезапное изменение решения героя, которое должен как-то объяснить читатель, но которое не является прямым следствием произошедших событий. Кроме того, именно в такой внезапности актуализируется тема провидения, чудесного спасения, важная именно в этом сюжетном переходе от идеи преступления к сну-раскаению, начинающемуся колокольным звоном. Эпизод с Аришей давал действию Аркадия конкретную мотивировку и лишал Достоевского возможности создать богатую смыслами лауну. Чудо спасительного сна-воспоминания должно быть мотивировано как чудо, именно потому эпизод с Аришей был отброшен. В скобках заметим, что окончательный текст в сравнении с черновиком вообще характеризуется последовательным снятием очевидных мотивировок¹⁵.

Итак, исключение эпизода с Аришей можно объяснить следующими причинами.

Во-первых, в окончательном тексте Достоевский последовательно уводил все «детские» истории за пределы сюжета.

Во-вторых, Достоевский расширял авторские полномочия Аркадия, доверяя ему выступать автором историй, очевидцем которых он не был.

Наконец, исключение истории с Аришей гарантировало появление важной смысловой лауны: отсутствие непосредственной романной мотивировки делало возможным неожиданный переход от преступления к сну-воспоминанию, проникнутому образами покаяния.

Библиографический список

<Долинин А. С.> Комментарии // Литературное наследство. М., 1965. Т. 77: Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи.

¹⁴ Ковач А. Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985. С. 224–225.

¹⁵ В довершение осторожно предположу, что, возможно, эпизод с Аришей навязчиво актуализировал не очень понятную параллель. Аркадий находит в снегу замерзающую Аришу, а Ламберт спустя несколько часов находит в снегу замерзающего Аркадия. Вероятно, такая параллель могла показаться писателю нежелательной.

- Достоевский Ф. М.* Рукописные варианты романа «Подросток» / Под ред. В. Л. Комаровича // Начала. 1922. № 2.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Достоевский Ф. М.* Эпизод из «Подростка» / Неизданные рукописи / Под ред. Л. П. Гроссмана // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921. Одесса, 1921.
- Ковач А.* Роман Достоевского: Опыт поэтики жанра. Budapest, 1985.
- Комарович В. Л.* Генезис романа «Подросток» // Литературная мысль. 1925. Вып. 3.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881. СПб., 1999. Т. 3: 1875–1881.
- Тихомиров Б. Н.* Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2008. № 24.
- Тихомиров Б. Н.* Загадочный квартал в Петербурге Достоевского. К анализу мотива «обиженной девочки» [2001] // Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: Статьи и эссе о Достоевском. СПб., 2012.
- Чулков Г. И.* Как работал Достоевский. М., 1939.

Dimitriev V. M.

TO THE CREATIVE HISTORY OF THE NOVEL
THE ADOLESCENT BY F. M. DOSTOEVSKY
 (THE REASON WHY THE EPISODE WITH ARISHA
 HAS BEEN REJECTED)

Key words: F. M. Dostoevsky, Arisha, textology, drafts, motivation.

The article deals with reasons why Dostoevsky excludes one episode from the final text of the novel *The Adolescent*. It is a fragment of the first draft about the meeting of Arkady with the frozen girl Arisha. The story placed before the hero's dream of the Tushar boarding school (second part, ninth chapter). The scientific hypotheses of why this textual change had occurred, were critically commented as incorrect or insufficient. The author explains the exclusion of the episode with Arisha by the specifics of the development of the "childish" theme in the final text, the expansion of Arkady's authorial rights, as well as the change of motivation that is important for this fragment.

References

- <Dolinin A. S.> Kommentarii. *Literaturnoye nasledstvo. T. 77. F. M. Dostoyevskiy v rabote nad romanom "Podrostok". Tvorcheskiye rukopisi.* Moscow, 1965.
- Dostoyevskiy F. M. Rukopisnyye varianty romana "Podrostok". Ed. by V. L. Komarovich. *Nachala.* 1922. N 2. P. 217–230.
- Dostoyevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy:* In 30 vol. Leningrad, 1972–1990.

- Dostoyevskiy F. M. Epizod iz "Podrostka". Neizdannyye rukopisi. Ed. by L. P. Grosman. *Tvorchestvo Dostoyevskogo. 1821–1881–1921*. Odessa, 1921.
- Kovach A. *Roman Dostoyevskogo: Opyt poetiki zhanra*. Budapest, 1985.
- Komarovich V. L. Genezis romana "Podrostok". *Literaturnaya mysl'*. 1925. Vyp. 3. P. 366–386.
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoyevskogo 1821–1881*. Vol. 3. 1875–1881. St. Petersburg, 1999.
- Tikhomirov B. N. Akademicheskyy kommentariy: tseli, zadachi, printsipy. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura*. 2008. N 24.
- Tikhomirov B. N. Zagadochnyy kvartal v Peterburge Dostoyevskogo. K analizu motiva "obizhennoy devochki" [2001]. *Tikhomirov B. N. "...YA zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom"*: Stat'i i esse o Dostoyevskom. St. Petersburg, 2012.
- CHulkov G. I. *Kak rabotal Dostoyevskiy*. Moscow, 1939.